

Глава 22. Залог верности

Вечером, принимая душ, Шэнь Минлян коснулся шеи и не обнаружил там привычной тяжести. В ту же секунду его накрыло острое, почти болезненное чувство пустоты — словно из груди вырвали частицу сердца. «Завтра же нужно забрать его у тётки Лань», — мельком подумал он и, покрепче прижав к себе Цинь Лэ, погрузился в глубокий сон.

Чем сильнее крепчал мороз, тем тяжелее Цинь Лэ было расставаться с кроватью. Он ворочался с боку на бок, кутаясь в одеяло, и лишь изредка решался приоткрыть крохотную щелочку, чтобы взглянуть на мир. Но стоило холодному воздуху коснуться кожи, как юноша вздрагивал, плотнее заматывался в свой кокон и замирал. Часы показывали начало девятого. Перед Цинь Лэ встала серьезная дилемма: вставать или нет? Вопрос был принципиальным. В итоге Сяо Лэ, отбросив всякие остатки силы воли, решил: раз уж всё равно проспал, можно поваляться ещё минут десять. Нет, пятнадцать.

Его сладкие грёзы прервал настойчивый стук в дверь. Бабушка Цинь явно не собиралась отступать. Он подскочил на кровати и долго сидел, пытаясь прийти в себя и понять, где находится.

— Лэ-лэ, к тебе дядя Шушэнь пришёл! Вы же собирались за поросятами? Живее вставай! — прикрикнула бабушка и, обернувшись к гостю, виновато добавила: — Уж извини, Ван Шушэнь, что заставляем ждать. Такой лоб здоровый вырос, а совести ни на грош.

— Да ладно вам, тетушка, пусть спит, — Ван Шушэнь удобно устроился на диване, коротая время за беседой. — Зимой в деревне дел немного, кто ж в такую стужу по доброй воле с постели вскочит? Я бы и сам еще придавил, если бы Шива с фермы не прислал весточку, что свиней пора выводить.

Цинь Лэ, взъерошенный и заспанный, наконец выбрался из комнаты. Кое-как приведя в порядок одежду и постель, он выкатился в гостиную.

— Дядя, простите, — смущенно пробормотал он. — Заставил вас ждать. Совсем закрутился вчера, поздно лег.

Ван Шушэнь замахал руками:

— Пустое, я же понимаю, что ты человек занятой. Ну что, едем?

— Едем! — Цинь Лэ выскочил во двор, плеснул в лицо ледяной водой, на ходу проглотил горячий пирожок, заботливо оставленный бабушкой, и запрыгнул в грузовичок.

Возле животноводческого комплекса уже выстроилась вереница разномастных машин. Цинь Лэ и не ожидал, что желающих закупиться мясом к праздникам будет так много. Внутри

кипела жизнь: здесь собрались мужики со всех окрестных деревень, в основном крепкие работяги лет пятидесяти. Лэ-лэ вежливо со всеми здоровался, раздавал сигареты из припасенной пачки и внимательно слушал разговоры старших.

— Лэ-лэ, ты тоже за свиной? — Цинь Лэ обернулся и увидел тётушку Цзиньмэй, которая приветливо махала ему рукой.

Он подошел к ней, оставив на время компанию мужчин.

— И вы здесь? В лавке разве не много работы?

— Работы всегда полно, но о Новом годе тоже забывать нельзя! Перед праздниками к Доу-доу невеста в гости прийти обещала, надо встретить честь по чести. Да и муж мой целый год на стройках вкалывал, вернется — подкормить надо. Я здесь двух поросят еще с марта держала, сейчас они уже под двести килограммов вымахали. Вот, хозяин позвонил, пора забирать.

Семья Чжао Цзиньмэй была в деревне на особом счету — пришлые, с фамилией Ху. Муж её вкалывал на выездах, присылая каждую копейку домой. После смерти стариков-родителей остались огромные долги, сын даже колледж бросил, чтобы помочь. Тётушка Цзиньмэй была женщиной с железным стержнем: пока близкие трудились вдали, она открыла небольшой магазинчик на перекрестке. Несколько лет жила впроголодь, отдала дом под залог банку, но в итоге всё выкупила, с долгами почти рассчиталась и теперь наконец начала дышать свободно.

— Сейчас люди по-другому мыслить стали, — продолжала она, и Цинь Лэ согласно кивал. — Наедятся этих покупных подарочных наборов, а потом душа настоящего мяса просит. Свиная нынче в цене доступная, не то что раньше. Своё, домашнее — это ведь и здоровье, и престиж. Родственникам кусок отправишь — тебе почет и уважение. А если лишнее останется, так на рынке в поселке с руками оторвут, еще и копеечку в дом принесешь.

Цинь Лэ и Ван Шушэнь сначала погрузили свинью для семьи Ван, а затем отправились к самому свиноводу. Хозяин фермы, Сун Гу, подбежал к ним, вытирая пот со лба.

— Простите, мужики, дел невпроворот! — Сун Гу знал Шушэня как постоянного клиента, ведь тот привел к нему половину деревни. Заметив рядом с ним статного, чисто выбритого юношу, он достал сигареты, но Цинь Лэ вежливо отказался. — О, какие люди! А это не внук ли деда Фэнсяня?

— Он самый, — подтвердил Ван Шушэнь. — В Городе Б учился, работал, а в этом году вот вернулся к корням.

— А-а! — Сун Гу широко улыбнулся. — То-то я смотрю, лицо знакомое. Отец-то его, Чжиган, в свое время первую красавицу на десять деревень в жены взял. Парень в мать пошел — взял от родителей всё самое лучшее.

Цинь Лэ скромно потупился, а мужчины, переглянувшись, довольно захохотали.

— Хозяин, у меня дело, — начал Лэ-лэ.

— Говори.

— Мне бы трех поросят прикупить. Я заранее не заказывал, может, выделите из остатков? О цене договоримся.

Сун Гу удивленно окинул взглядом «студента». Тот выглядел слишком утонченно для деревенской жизни.

— Слушай, племянник, — Сун Гу похлопал его по плечу, отбросив окурок. — Когда ты в университет поступил, я тебе даже подарка никакого не прислал. Считай их наградными за твой диплом, хоть и с опозданием. Я тебе трех штук выделю по цене для своих, как для Ван Шушэня. Идите к загонам, найдите моих ребят, скажите, я велел: каких выберете, те и ваши.

— Дядя, это неудобно! — попытался возразить Цинь Лэ, но Сун Гу уже зашагал прочь, не желая слушать отказов.

Впервые с момента возвращения в деревню Цинь Лэ почувствовал такую искреннюю, бескорыстную доброту от постороннего человека. Раньше он чувствовал себя путником, идущим против ветра, привыкшим к косым взглядам, шепоту за спиной и холодному непониманию. Внезапное тепло тронуло его до глубины души, и в носу подозрительно защипало.

Вернувшись домой, Шэнь Минлян выглядел необычно взволнованным. Он напоминал ребенка, который подготовил грандиозный сюрприз и едва сдерживался, чтобы не выболтать всё раньше времени. Коснувшись пальцами квадратной коробочки в кармане, он довольно улыбнулся.

Цинь Лэ, по обыкновению, только-только вышел из душа. Шэнь Минлян взял фен и, включив его на самый мягкий режим, принялся сушить волосы юноши.

— Утром я заходил к управляющему Чжоу, — как бы невзначай заметил он. — Попросил его заняться золотом. Он переплавил слиток и сделал два украшения. Это — тебе.

Минлян указал на изящный синий футляр, лежащий на столе.

— Наручный браслет? — Цинь Лэ с любопытством открыл коробку. — Зачем дядюшка Чжоу сделал женскую штуковину? Хотя... ладно, узор с леопардом выглядит неплохо. А эти рубины в

глазах явно стоят целое состояние.

Носить это Цинь Лэ не собирался — решил просто припрятать в коллекцию. Однако Шэнь Минлян мягко взял украшение и сам застегнул его на левом предплечье юноши.

— Этот рубин я взял из своего золотого украшения в виде головы леопарда, — тихо произнес он, запечатлев мимолетный поцелуй на его лопатке. — Цинь Лэ... Ты — мои глаза.

Лэ-лэ негромко рассмеялся, обернувшись к нему.

— Господин Шэнь, могу я расценивать это как признание в любви?

Взгляд Шэнь Минляна мгновенно потяжелел, в глазах вспыхнуло плотоядное пламя.

— Да, — выдохнул он, и голос его сорвался на хрип.

Цинь Лэ, чувствуя, как краснеют кончики ушей, неловко кашлянул:

— Может... тебе сначала в душ сходить?

Минлян лишь пристально посмотрел на него, ничего не ответил и молча ушел в ванную.

Оставшись один, Цинь Лэ почувствовал нарастающую тревогу. Он принялся ворочаться на кровати, накручивая на себя одеяло, пока не превратился в подобие огромного шелкопряда, из которого торчала только макушка. Когда Шэнь Минлян вышел, вытирая голову полотенцем, он увидел на кровати этот кокон, в котором юноша спрятался даже лицом.

Шэнь Минлян усмехнулся. Не спеша досушив волосы, он подошел к кровати и навис над «гусеницей».

— Больше всего на свете я люблю распаковывать подарки, — прошептал он, прижимаясь к нему всем телом. — Особенно такие.

Те, кто на людях ведут себя подчеркнуто строго, в спальне оказываются самыми ненасытными. Когда всё закончилось, Шэнь Минлян с видимым удовольствием осмотрел плоды своих трудов. Тело Цинь Лэ было усыпано яркими «клубничками», внутренняя сторона бедер покраснела от трения, а на упругих ягодицах красовались симметричные отметины от зубов. Поставив на юноше все возможные клейма собственности, Минлян обнял спящего любовника и провалился в сон.

— Лэ-лэ, вставай! Поросята проголодались, варить пора! — Бабушка Цинь, уже управившаяся с курами, настойчиво стучала в дверь.

Цинь Лэ открыл глаза. Солнечный свет, заливавший комнату, больно резанул по глазам. Юноша замер, прислушиваясь к себе. Всё тело ныло так, будто по нему проехался коток.

«Животное...» — беззлобно выругался он про себя. Вчера вечером они перепробовали, кажется, всё, кроме самого финала. Вспомнив свои вчерашние слезы — чисто физиологическую реакцию на напор Минляна, — он прикрыл лицо рукой. Позорище.

— Бабушка, встаю!

Он натянул просторный спортивный костюм и, преодолевая ломоту в мышцах, отправился на кухню. В голове мелькнула пугающая мысль: если всё так еще до начала серьезных отношений, то что же будет потом?

Поросят поселили в старом хлеву, где когда-то жила корова, по соседству с курятником. Стоило Цинь Лэ постучать черпаком по корыту, как вся троица, визжа и толкаясь, бросилась к кормушке. Деревянная изгородь жалобно затрещала под их напором. Сердце Лэ-лэ ёкнуло — он всерьез опасался, что голодные пяточки разнесут загон в щепки. Но стоило вылить пойло, как три пяточка уткнулись в еду, позабыв обо всем на свете.

Глядя, с каким аппетитом они уплетают завтрак, Цинь Лэ и сам почувствовал, как в животе заурчало.

Бабушка сегодня сварила густую рисовую кашу. Пока внук спал, каша томилась на медленном огне. Достав домашние соленые огурчики, Цинь Лэ с удовольствием принялся за еду, осушив чуть ли не целую кастрюлю.

— Поел? Теперь отвези вещи к Чжоу Ся, я там всё приготовила.

Цинь Лэ кивнул, вышел во двор и вздохнул. Делать нечего — придется заводить дедушкин старый трехколесный мопед.

<http://bllate.org/book/17507/1658863>